

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ЧАСТЬ XII

ЗВЁЗДНАЯ КРОВЬ

ИЗТОЙ

Звёздная Кровь. Изгой

Алексей Елисеев

Звёздная Кровь. Изгой XII

«Автор»

2026

Елисеев А.

Звёздная Кровь. Изгой XII / А. Елисеев — «Автор»,
2026 — (Звёздная Кровь. Изгой)

Единство — суровое и жестокое место, которое тебе сразу напомнит о своей сути, если начнешь о ней забывать. Из-за последствий аварийного выхода из холодной гибернации, большая часть воспоминаний о прошлой жизни утрачена, но я узнал, что и здесь живут люди... И не только люди, и не вполне люди, и совсем не люди. Это я для них пришелец. Друзья меня называют Киром из Небесных Людей. Для врагов у меня есть другое имя — Кровавый Генерал. Большинство первостепенных задач решено. Пришло время наладить быт и основать форпост для наших соотечественников и колонистов с ковчега «Хельга», чтобы уже наконец относительно нормально зажить, но Единство, а может и сама судьба, снова ставит меня перед непростым выбором.---Объём книги планируется около миллиона символов т.е. два с половиной обычного объёма.Прода: расписание на ближайшие десять глав - каждые два-три дня около полуночи по МСК

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

506.	5
507.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Елисеев

Звёздная Кровь. Изгой XII

506.

Я стояла у второго пирса Речных Башен, прижавшись плечом к свае, и смотрела на воду, стараясь отгородиться от всего, что происходило за моей спиной. Городской шум, превратившийся в сплошную давящую массу из криков, толкотни и бесконечных однообразных просьб, который уже день окружали меня. Через зеркальную гладь Белого Озера всё ещё тянулись цепочки плотов и лодок, увозя людей прочь. Эта суeta изрядно утомила меня, и в какой-то момент я почувствовала, как отчаянно мне хочется выскользнуть из этого красивого, но невыносимо тяжёлого платья зажиточной горожанки, нырнуть в прохладную, обволакивающую глубину Белого Озера и уплыть от всего этого бардака как можно дальше, чтобы не возвращаться сюда хотя бы до вечера следующего дня.

За последние несколько недель я успела осознать одну простую истину, что руководить эвакуацией из окон особняка или с верхней площадки башни совершенно невозможно, сколько бы карт перед тобой ни лежало. С высоты всё наверняка казалось упорядоченным и понятным, виделись ровные линии улиц, четкие контуры пирсов и складов, аккуратные очереди, которым не хватало лишь ярких стрелок для указания движения. Однако стоило мне спуститься на набережную, как эта мнимая аккуратность рассыпалась в прах, разбиваясь о первый же сундук, поставленный на проходе, или о родственника, который с надрывом пытался протолкнуть больного старика, вцепившись в тяжелые мешки с добром. Я видела женщин с детьми, которые внезапно замирали посреди сходней, создавая затор, и понимала, что никакие карты и планы не учитывают человеческий страх и глупость.

В такие моменты здесь требовалось присутствие кого-либо из уважаемых семей, того кто мог бы быстро и беспрекословно решать все вопросы на месте, не вступая в долгие дискуссии. Было бы куда проще, если бы этим занялся кто-нибудь из ван дер Джарнов, а в идеале — сама баронесса, чьё слово имело бы абсолютный вес. Но Пипа ван дер Джарн на причале не появлялась ни разу, и поползли слухи, будто бы она занемогла и не вставала с постели вот уже четвёртый день. Эта новость вызвала у меня лишь глухое, пульсирующее в висках раздражение, потому что мне отчаянно не хотелось находиться здесь и следить за тем, чтобы одни, в общем-то, чужие мне люди, не затоптали других, не менее чужих.

Изначально я была уверена, что никто не станет меня слушать, ведь кто я в этой иерархии? Родня Кинга Народа Белого Озера по материнской линии, жена наёмника, чьё имя вызывало у многих опасение. Но только и всего. Впрочем, внезапно для меня самой этот наёмник стал магистратом, довольно весомой фигурой в городском управлении Манаана, а при нынешнем вакууме власти, кроме Кира, на политическом горизонте вообще никого не наблюдалось. Разве что Каспиэл Акилла мог претендовать на внимание, но он отправился на остров Костей, чтобы обустроить эвакуированных горожан, и если вдуматься, то второй городской магистрат устроился куда более удачно, чем Кир.

Однако, неожиданно для всех деятельное участие моего супруга в обороне города, его огромный шагающий мех, зловещее имя Кровавого Генерала и репутация Красной Роты заставили людей прислушиваться к моим словам. А то, что я сама встала в первых рядах городского ополчения и подняла людей в контратаку, когда пришлось защищать Лагуну, только добавляло моим указаниям веса в глазах горожан, которые ещё вчера называли меня полукровкой и брезгливо кривились. Вместе с этим, серебристая шляпка Стигмата, вбитого в моё запястье,

производила на них нужное впечатление, напоминая о силе Звёздной Крови, которая теперь была моей союзницей.

Погружённая в эти мысли, я не сразу заметила, в каком именно месте поток людей начал тормозить, превращаясь в плотную, бурлящую массу. Если бы я не услышала, как обычная портовая ругань внезапно приобрела опасные, предвещающие драку интонации, то упустила бы этот момент совершенно.

— Третью лодку пока не отправляйте, — распорядилась я, обращаясь к кормчему, который уже готовился отдать приказ к отплытию. — Заберите ещё двоих сидячих и отходите. Плот с лежащими подавайте под погрузку. Свежего никса из упряжи на плоту для раненых переставьте на вон тот тяжёлый плот.

Портовый пристав, коротко кивнув, быстро зашагал вниз по сходням, и я, наблюдая за его движениями, тут же перестроила свои расчёты в уме. Если один никс уходит на тяжёлый плот, значит, обе лодки придётся вести медленнее, полагаясь только на вёсла, и из этого следовало, что в следующий рейс нельзя сажать тяжёлых раненых, иначе транспорт вернётся слишком поздно. Следовательно, сидячих нужно было дробить на мелкие группы, а детей пока оставить под навесом у стены, чтобы не создавать лишней давки на пирсах.

— Лежачих считайте по местам, — приказала я, поворачиваясь к писарю, который с трудом удерживал равновесие в толпе. — Не по головам, а именно по занимаемому месту.

Писарь поднял жёлтый лист тростниковой бумаги, часть записей на котором уже безнадёжно расплылась. От сырости чернила потекли.

— Госпожа, но в списке, который мне дали, они учтены в человеко-единицах... — заканял он, глядя на меня с надеждой на понимание.

— Уважаемый, в вашем списке они могут быть учтены хоть в объёме или массе, — отрезала я, чувствуя, как терпение покидает меня. — В отходящей лодке лежачий занимает в два раза больше места, чем здоровый. Пока пометьте себе, а перепишите уже после, когда всё закончится. Этим некогда сейчас заниматься, вы понимаете?

— Понимаю, госпожа. Понимаю... — пробормотал он.

Клерк тяжело сглотнул и начал править цифры, чиркая пером прямо поверх прежних строк и оставляя грязные кляксы. В прежние, спокойные дни такой лист переписали бы заново, каждое исправление заверили бы у старшего по порту, а потом кто-нибудь ещё полчаса спорил бы о правильном порядке отправки. Раньше здесь хватало приставов, писарей, портовых старшин и охраны, но теперь всё изменилось. Последний оставшийся пристав в порту у складских ворот давно сорвал голос, угрожая штрафом человеку, который тащил под мышкой ребёнка и даже не повернул головы в его сторону. Второй писарь безуспешно требовал соблюдать очередь, пока мимо него с глухим стоном проталкивали очередные носилки. Кормчий на лодке ругался из-за перегруза, пока волонтёр с Литейного просто упёр приклад в грудь купцу, который вознамерился спасти два своих тюка с товаром.

Этот довод, грубый и прямой, люди понимали теперь быстрее всего.

Волонтёры, поставленные Киром у пирсов, выглядели так, будто стояли здесь не первое утро, хотя на самом деле прошло уже больше недели. Их рабочие куртки из грубой парусины потемнели от моросящего липкого дождя, а лица посерели от бесконечной усталости, но магазинные винтовки они держали крепко, не выпуская из рук. Эти люди не стали объяснять каждому, как устроен процесс эвакуации, не разбирали семейных обстоятельств и не слушали длинные, жалобные рассказы о больных родственниках, забытых документах или ценном имуществе. Они просто разворачивали лишних, отодвигали прикладами тех, кто пытался пролезть без очереди, и безжалостно гнали назад всех, кто пришёл с тяжёлым грузом.

Пока что они стреляли только в воздух, чтобы привести толпу в чувство, но я знала, что Кир уже отдал им приказ открывать огонь на поражение в случае любой критической ситуации.

Очередной выстрел резко хлопнул над вторым пирсом, и толпа синхронно пригнулась, словно под ударом. Ребёнок у навеса тонко и надрывно заплакал, а ближайший никс, испугавшись резкого звука, дёрнул шеей, возмущённо фыркнул и резко дернулся в сторону. Плот с лежащими тут же пошёл боком, опасно накренившись к каменной опоре.

— Держите ремень! — рявкнула я, видя, как плот начинает уходить от причала.

Двое озёрников с пирса прыгнули в воду почти одновременно. Один ухватил широкий мокрый ремень упряжи, второй вынырнул прямо у большой головы животного и обнял её, стараясь успокоить водоплавающего зверя. Никс ещё раз хлестнул хвостом, обдав сходни мутными брызгами и грязью, но в итоге успокоился. Плот скрипнул, сопротивляясь течению, и снова уткнулся в причал так, что к нему можно было поднести носилки.

Я уже смотрела на раненого с окровавленной, пропитавшейся сукровицей повязкой на груди. Бедолага был без сознания, его голова безвольно моталась в такт движению плота.

— Этого в середину, — распорядилась я, — у борта его просто прижмут. Женщину с двумя детьми отправьте к третьей лодке. Нет, не сюда... Здесь только лежащие. Кто может идти сам — вернитесь на набережную.

Молодая девушка рядом с ребёнком подняла на меня взгляд, в котором читалось отчаяние. Её рука дрожала, когда она пыталась удерживать повязку на плече худого, бледного мальчишки.

— Он может подождать... — тихо сказала девушка и тут же осеклась, заметив мой холодный взгляд.

— Тогда под навес. Следующий?

— Старик, — послышалось из толпы. — Нога раздроблена, потерял много крови.

— На большой плот... — начала была я, но заметила, как родственники старика попытались поднять вместе с ним тук одежды и два увесистых мешка сушёной рыбы. Я увидела эти мешки раньше, чем они успели сделать вид, что всё это — часть одного общего груза.

— Рыбу оставьте в городе, — спокойно произнесла я.

— Это еда! — выкрикнул бородатый мужчина, в чьих глазах вспыхнула ярость.

— Старика посадить на плот. Один мешок можно, если разрешит кормчий. Второй оставьте на пирсе.

— Мы за него платили! — заорал он, переходя на крик.

Я не стала продолжать этот бессмысленный разговор, а просто посмотрела на ближайшего волонтёра. Тот сделал шаг вперёд, даже не поднимая винтовки, и бородач сразу понял, что торговля закончилась. Он с силой сорвал с плеча второй мешок и бросил его на влажные доски настила. Старика понесли дальше, и я даже не взглянула вслед уходящим.

Я ничего и никому больше не объясняла. Объяснения съели бы драгоценное время, а время в Манаане теперь стоило дороже ун или рыбы. Его сейчас нам оплачивали защитники города своими жизнями. Мой муж и отец моего ребёнка платил своей кровью... Сердце в груди тревожно сжалось.

Никаких объяснений не будет.

Под рукавом дорожного платья бугрилась серебристая шляпка Стигмата. Я чувствовала её постоянно и несколько раз ловила себя на искушении поставить Статичный Барьер поперёк всего подхода на пирс. Барьер мог бы мгновенно разрезать толпу на части, убрать лишних от сходней и дать мне возможность сделать несколько спокойных, глубоких вдохов.

Один раз мне уже пришлось это сделать.

Десяток мужчин с узлами рванули к плоту с лежащими, решив, что если они прорвутся на пирс, то их уже не скинут обратно. Я подняла руку раньше, чем волонтёры успели вскинуть винтовки. Полупрозрачная, мерцающая плоскость встала поперёк их движения. Двое ударились в неё плечами, третий выронил тук, остальные сбились с шага, и волонтёры Литейного

успели выдернуть их за воротники и поставить в общую очередь. Но тратить Звёздную Кровь на чужую глупость было слишком дорого.

— Сколько уже детей под навесом? — спросила я, стараясь вернуть внимание к спискам.

Писарь заглянул в свой лист, шурясь от дождя.

— Двадцать семь, сударыня. Нет, тридцать. Троих только что привели.

— Двоих старших девочек к первой лодке, если они без родителей. Малышей не разделяйте с матерями. Раненых от пролома в стене куда несут?

— К складам. Там собирают под охраной и с медицинской помощью.

Это было плохо. У складов ещё немного, и начнётся настоящая давка, а раненые рядом с такой толпой могут попросту быть затоптаны, и никто даже не заметит этого. Я уже видела такое в первый день, когда эвакуация ещё не была налажена. Один упал, второй пытался его поднять, третий начал кричать про ребёнка, четвёртый полез вперёд со своим раненым, и через минуту уже требовались не списки, а удары прикладами и выстрелы в воздух.

— Передай, чтобы самых тяжёлых перенесли сразу к воде, — распорядилась я. — Сидячих — к стене под навес к детям. Кто может идти сам, пусть идёт сам. Носилки не занимать теми, кто ещё держится на ногах.

Писарь кивнул и побежал выполнять поручение.

На третьем пирсе посадка внезапно застопорилась. Поток у сходней дёрнулся, задние начали напирать, создавая опасное давление, озёрник у борта лодки повернулся боком и приоткрылся к чему-то. Волонтёр шагнул ближе, но не ударил, а значит, там был не пьяный, не мародёр и не вооружённый человек. А значит, там требовалось моё присутствие. Я направилась туда.

Зажиточная манаанка в дорогой дорожной накидке, промокнувшей по нижнему краю и заляпанной глиной, вцепилась обеими руками в здоровенный, окованный железом сундук из камнедерева. Рядом стояли две девочки в одинаковых шерстяных платьях. Младшая плакала, уткнувшись лицом в рукав старшей, а та смотрела на озёрника и на волонтёра с винтовкой. Она поняла главное гораздо раньше своей матери.

— Это наше! — кричала горожанка, её голос срывался на визг. — Там документы собственности и приданое для девочек, всё наше! А мужа убили на стене! Вы не имеете права!

Сундук стоял прямо поперёк посадки и по своему размеру занял бы три места. Если загрузить его в лодку, один лежащий раненый неизбежно останется на берегу. Или двое детей.

— Сундук на набережную, — спокойно приказала я, глядя ей в лицо. — Или вы не эвакуируетесь.

Женщина обернулась, узнала меня, и на одно мгновение в её чертах появилась надежда. Жена Кровавого Генерала здесь. Женщина, про которую ходят слухи. Она должна всё понять.

— Госпожа, там всё, что у нас осталось. Документы и вещи девочек. Мы не можем это бросить...

— Можете. Лодки и плоты берут на борт только людей. Девочек в лодку. Сундук на берег.

— Но документы...

— Тогда сундук в воду. Сейчас же.

Женщина открыла рот, но я не стала повторять. Я лишь посмотрела на волонтёра. Тот не поднимал винтовки и даже не угрожал, просто стоял рядом — злой, бесконечно усталый и готовый выполнить любой приказ. Второй доброволец с Литейного просто рванул сундук в сторону за ручку. Металл с противным скрежетом прошёл по доскам, внутри что-то звякнуло. Женщина дёрнулась было следом, но старшая девочка крепко схватила её за руку.

— Мама... — тихо произнесла она.

Этого одного слова хватило. Я кивнула и добавила:

— Верный выбор, уважаемая. Жизнь дороже.

Женщина пошла к лодке, шатаясь, будто у неё подломились колени. Девочек посадили у носа, рядом с двумя худыми мальчишками и женщиной с перевязанным плечом. Сундук остался лежать на набережной, и я не стала интересоваться ни его дальнейшей судьбой, ни содержимым.

— Следующий...

Писарь вывернулся откуда-то сбоку, прижимая к груди дощечку с исписанным жёлтым листом. Он держал эту бумагу так осторожно, будто от неё зависел весь город. Но это было не так, город теперь зависел только от лодок, никсов, гребцов, винтовок волонтеров и от того, сколько ещё люди у пирсов выдержат без стрельбы на поражение.

— Госпожа Дана, свежие числа, — запыхавшись, сообщил он.

— Что там?

— Сейчас в рейсе девять лодок и четыре плота. Две лодки тянут ниссы, остальные на вёслах. У причалов пять лодок и два плота под тяжёлых. Ещё один плот ниже по течению, но у него порвался один из ремней, пристали к берегу и чинятся. Озёрники помогают, так что должны до ночи управиться. По южным кварталам ещё не прошли. От стены продолжают поступать раненые. У складов снова собираются люди, а там проход узкий. Надо бы волонтеров туда отправить, человек десять. Иначе там снова может быть давка.

Я на секунду закрыла глаза, чтобы шум и мелькание толпы не мешали мне складывать числа в уме. Один плот временно выбыл. Южные кварталы ещё не тронуты. Раненые уже поступают. У складов давка. Следующий рейс нельзя отдавать семьям и имуществу, детей и раненых нужно отправить в первую очередь.

Я открыла глаза.

— Двух волонтеров у складских ворот не трогать. Наоборот, отправьте туда ещё троих. Пусть режут поток до того, как люди увидят лодки. Плот с лежащими не забивайте сидячими. Южным кварталам пока ничего не обещать. Если кто-то начнёт кричать про право и очередь, пусть выйдет на стену и покричит с неё на ургов.

507.

Писарь кивнул, но не ушёл, замаявшись.

— Госпожа... если сюда ещё и с южных кварталов придут, мы не удержим всех.

Я посмотрела на воду. У причала никс снова бил хвостом, озёрник ругался гортанно и с силой тянул ремень на себя. Лодка отходила перегруженная, борт сидел слишком низко, почти касаясь воды. Кормчий на корме орал, чтобы люди не вставали и не хватали соседей, а на берегу уже поднимали новые носилки и несли их на пирс.

— Поэтому они и не должны прийти все сразу, — кивнула я писарю. — Передай приставу, чтобы группы дробил ещё до подхода к набережной. Сундуки, телеги и лавочное добро разворачивать надо до ворот. К воде пропускать людей. Только живых людей. Поздно пытаться спасти барахло.

Писарь сорвался с места, а я осталась стоять у сходней, глядя на манящую водную гладь.

Сзади снова грохнул выстрел, на этот раз совсем близко к складским воротам, и по набережной тяжёлой волной прокатилось знакомое движение людей, когда даже самые отчаянные на мгновение втягивают головы в плечи, а затем начинают орать ещё громче, потому что страх, если его вовремя не пристрелить или не задавить изнурительной работой, стремительно ищет выход и у многих трансформируется в наглость. У ближайшей сходни какая-то баба с разбитой, кровоточащей губой пыталась объяснить волонтеру, что её брат остался там, в городе, что ей нужно вернуться, что она всего на минуту, только забрать, только найти, только успеть сказать или убедиться, что он жив. Волонтер слушал её с каменной физиономией. Он-то за одно только это утро уже раз двадцать услышал про эти бесконечные «только», и молча перехватил винтовку поперёк прохода, не давая ей ни прорваться к воде, ни броситься обратно в придавленную страхом толпу.

Я отвернулась от озера и снова заставила себя смотреть на людей, хотя взгляд так и тянуло вернуть назад.

Манящая гладь, прохладная глубина, тёмная вода, в которую можно было уйти одним единственным движением, оставив за спиной крики и стоны, бесконечные списки и рваные грязные повязки, сундуки и претензии. Всё это казалось таким прекрасным в мечтах, но в реальности рядом со мной стоял простуженный писарь с расплывшимися на бумаге цифрами, за спиной хрипела и давилась набережная, а на городской стене Кир и его люди покупали время тем, кто мог бы сражаться за свой дом. И покупали они его, разумеется, не красивыми словами, а кровью, болью, патронами, Звёздной Кровью и живыми телами, которые в этот самый миг принимали на себя сокрушительный удар Орды. Часть из тех мужчин и женщин, толпящихся на набережной, так точно могла бы взять в руки оружие, а не создавать проблемы в очередях на эвакуацию. Подумалось, очень запросто и стало немного мерзко от самой себя. Я не хотела суждать у кого какой долг, мне просто надо было в воду. Но каков мой долг мне было хорошо известно – благополучие семьи и рода, а чтобы достигнуть этого нужно просто помогать своему супругу. А значит это только то, что пока он на передовой, я додэна организовать чтобы всё было нормально в тылу. Значит придётся продолжать торчать здесь, изображая из себя важную госпожу.

— Сударыня! Сударыня Дана! — окликнули меня справа.

Я повернулась и получилось резче, чем планировала, и сразу почувствовала, как тяжёлая ткань платья неприятно натянулась, сковывая движения. В этом наряде можно было сидеть за столом, принимать гостей, изображать приличную горожанку и делать вид, будто на мне не висит ответственность за половину всей этой эвакуации. Для пирса, дождя, крови и озёрных Никсов оно годилось примерно так же, как фарфоровая чашка для забивания ржавых гвоздей.

Ко мне, расталкивая людей, пробирался молодой тип весь перемазанный в копоти. Сначала я приняла его за одного из волонтеров с Литейного, потому что в этой толпе теперь все мужчины с винтовками, ножами и перевязями начали походить друг на друга, но затем я заметила на его рукаве повязку фельдшера. Он был без плаща, с глубоким порезом на скуле, с чужой кровью на манжете.

В руках у него не было ни записки, ни дощечки, ни перевязанного шнуром приказа. Это мне сразу не понравилось.

Записка, даже самая короткая, оставляет человеку несколько лишних мгновений, чтобы собраться с мыслями. Можно принять её, медленно развернуть, прочитать, перечитать, задать уточняющий вопрос или сделать вид, что смысл требует раздумий. Устное сообщение такой роскоши не даёт.

— Я от Кровавого Генерала, сударыня! — выдохнул гонец, остановившись передо мной и тяжело дыша. — У меня для вас от него послание!

Я не стала спрашивать, где он сейчас, что происходит со стеной и почему нет письменного приказа. Всё это было написано у гонца на лице гораздо понятнее любой бумаги. Довольно и того, что он жив.

— Говори... — процедила я.

Он сглотнул, мельком глянул на воду, на плоты, на озёрников у никсов, затем снова посмотрел на меня и произнёс одно-единственное слово.

— Пора...

Слово вышло негромким и обыденным. Так зовут к обеденному столу, торопят ребёнка, прекращают какой-нибудь затянувшийся разговор или напоминают слуге о подаче блюда. На этой набережной оно прозвучало хуже самого надрывного крика, потому что Кир никогда не стал бы гонять посыльного ради какой-нибудь ерунды, а я слишком хорошо понимала, какое решение мы отодвигали до последнего возможного мгновения.

Во рту у меня сразу сделалось сухо, хотя вокруг всё было влажным от мороси. В памяти на миг всплыло лицо Кира, то его беспощадное выражение, какое у него возникает только на войне или в моменты опасности. Тогда он замыкается, говорит мало и строго по делу, отсекая всё лишнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.